

Телефонъ редакціи № 19.

ЮЖНЫЙ КРАЙ

Телефонъ конторы и типографіи № 15.

ЕЖЕДНЕВНО НЕ МЕНЬЕ 6-ти СТРАНИЦЪ.

Харьковъ. Воскресенье, 10 (23 Мая) 1909 года.

ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ. № 9682.

Заметки.

109.

Нить писателя более дорогого нам, чем Чехов.

Самый близкий к нам по времени, самый родственный по настроениям, этот печально-вдумчивый, скорбно-касмьпливый бытописатель русской современности окрасил собой всю литературную эпоху, которая несомненно будет названа „чеховской“.

Личность писателя представляет для читателя интерес почти такой же, как его книги.

Весь, произведения писателя являются в большей степени отражением личных переживаний его, и для понимания этих произведений надо знать жизнь, взгляды, среду, в которой они зародились.

Меньше других писателей мы знаем Чехова.

Нить писателя, более объективного, чем Чехов, более скрытного, глубоко застенчивого свое я.

И есть такая литература, занимающаяся вопросом:

— Кто он?

Поэтому надо приветствовать появление переписки А. П. Чехова, собранной В. Н. Бочкаревым.

Это пока только первая часть переписки Чехова, но она дает уже многое для выяснения взглядов писателя и для понимания его произведений.

— „Я боюсь тех, кто хочет видеть меня непременно либералом или консерватором“.

„Я ни либерал, ни консерватор, ни постепенщик, ни монах, ни индифферентист. Я хотел бы быть свободным художником—и только, и жалко, что Бог не дал мне силы, чтобы быть им... Я ненавижу ложь и насилие во всех их видах. Фарисейство, тупоумие и пренебрежение к жизни в одних только купеческих домах и кутузках; я вижу их в науке, в литературе, среди молодежи... Потому я одинаково и не питаю пристрастия ни к жандармам, ни к миссионарям, ни к ученым, ни к писателям, ни к молодежи. Фирму и ярлык я считаю предвзвешенным“.

„Мое святое святых—это человеческое тело, здоровье, ум, талант, вдохновение, любовь и абсолютнейшая свобода—свобода от силы и лжи, в чем бы послания эти ни выражались. Вот программа, которой я держался бы, если бы был большим художником“.

А. П. Чехов в 1887 году, к какому времени относятся эти строки, в письме к А. П. Плещеву, был уже признанным большим писателем. Но и раньше того, на первых шагах своего литературного поприща, он имел ту незаурядную смелость, которая давала ему возможность оставаться в стороне от всяких политических группировок и ярлыков, быть свободным и одиноким, ответственным только перед собой, перед своей совестью и перед судом истории.

Это презрение к стадности, к рабству и кривизне партийности А. П. Чехов несколько раз выражает весьма резко, в письмах к друзьям.

Очень характерно в этом отношении его письмо к И. И. Щеглову.

„Получил я от Лемана письмо; он извещает, что „ми“ (т. е., все вы, литераторы) согласились печатать объявления друг о друге в своих книгах, приглашает меня согласиться и предостерегает, что можно в число избранных „выключить лишь лиц, более или менее солидарных с нами“. В ответе я поставил согласие и вопрос: „откуда вам известно, с кем я солидарен и с кем не солидарен?“

„Как у вас, в Питере, любят дурачиться?“

„Неужели, вам всем не душно от таких слов, как солидарность, единение молодых писателей, общность интересов и проч.“

„Солидарность и проч. штуки я понимаю на бирже, в политике, в делах религиозных и т. п., солидарность же молодых писателей невозможна и не нужна...“

„Будем обыкновенно людьми, будем относиться одинаково ко всем, не понадобится тогда и искусственно-вызванной солидарности“.

„Настойчивое же стремление к частной профессиональной круговой солидарности, какой хотите у вас, породит невольное шпионство друг за другом, подозрительность, контроль, и мы, сами того не замечая, сдвигаясь тем-то вправо и влево, станем друг на друга... Я, милый Жан, не солидарен с вами, но общаю вам по гроб жизни полную свободу, как литературу: то-есть, вы можете писать, где и как угодно, мыслить хотя бы на манер Корейши, изменить 1000 раз убеждения и направления и проч., и проч., и отношения мои к вам не изменятся ни на грань...“

Так относится А. П. Чехов к так называемой политической „идейности“.

Это ответ на надоедливый вопрос:

— Как вступать?

„Идейным“ писателем, в общепринятом смысле этого слова, А. П. Чехов нельзя назвать. У него нет определенной общественной программы, нет ясных, социально-политических идеалов.

Для него нет общественных групп, к которым были бы прикованы его симпатии: он жалится выражающееся дворянство, ненавидит буржуазию, презирает мещанство, „разоблачает“ идеализированное крестьянство, нигде не дает повода думать, что ценит пролетариат.

А вот что он говорит о том классе, к которому принадлежит сам, об интеллигенции:

„Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, лживую, не верю даже, когда она страдает и жалует, ибо ее притеснители выходят из нее же и др...“ (Письмо к И. И. Щеглову).

Но это еще не значит, что А. П. Чехов ни во что не верит, ни к чему не стремится, что не будучи „идейным“, он „безыдеен“.

Он только осторожен в заключениях, потому что он вдумчив; толерантен, потому что он широк; враждебен к группировкам, потому что страстно любить человека; недоверчив к теориям, потому что восторженно верить в жизнь.

В одном из писем А. П. Чехов-ро-нает:

— „Все знают и все понимают только дураки и шарлатаны“.

В другом месте он говорит:

„Я верю в отдельных людей, а вижу спасение в отдельных личностях, разбросанных по всей России там и сям—интеллигенты, они или мужики—в них сила, хотя их мало...“

И далее:

„Что бы там ни было, наука все подвигается вперед, общественное самосознание нарастает, нравственные вопросы начинают приобретать беспокойный характер и т. д., и т. д.—и все это делается помимо интеллигенции en masse, и несмотря на то что“!

Ненависть к лжи, любовь к добру, недоверие к словам, вера в жизнь—вот мировоззрение, вера, «мировоззрение» А. П. Чехова.

Оно проглядывает в его произведениях. Ясно и определенно оно высказано в переписке.

Помимо этой стороны — мировоззрения Чехова—переписка дает много для ознакомления с натурой Чехова и его переживаниями.

Как сожалеть, отсутствие в книге необходимых редакторских примечаний и разъяснений значительно уменьшает ее ценность. Перед читателем—сырой материал. Но и те непосредственные впечатления, которые вызывает этот материал, достаточно значительны для того, чтобы советовать всем любящим Чехова читать эту книгу.

Вот юный писатель, обласканный ма-мистым ветераном литературы Д. В. Григоровичем пишет ему в ответ:

„Я вас в чаду. Нить у меня сила судить, заслужена мной эта высокая награда или нет“.

А вот, всего через семь лет после письма к Григоровичу, он сам, уже признанный, известный всей России, пишет письмо молодому писателю, с своей стороны ободряя и лаская молодое дарование.

Условия личной жизни Чехова—тяжелы. Он всегда нуждается в деньгах, и этот мотив не сходит со страниц книг писем.

«Сию без денег, «некоторые вещи заложил».

«Встретил меня с восторгом, но никто не догадался предложить 1,000—2,000 рублей».

«Написал уже на 200 рублей».

«Получил пушкинскую премию. Эх, получить бы эти 500 р. летом».

Такие замечания нестрасть письма А. П. Чехова.

Но они не свидетельствуют о жадности писателя, о любви к деньгам... Они свидетельствуют только о нужде.

Рядом с этими замечаниями, вы найдете другие:

«Я всегда беру только то, что дают. Даст мне «Общ. Вестн.» 500 рублей за лист—я возьму, даст 50—я тоже возьму»...

Читателям следует знать все эти досадные мелочи писательской жизни, нужду, которая давит их любимых учителей жизни, нищенское вознаграждение за неоцененные перлы вдохновения...

Ю. Волин.